

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ МОДЕЛЕЙ ВОСПРИЯТИЯ КОРРУПЦИИ

Панзабекова А. Ж. (Алма-Ата, Казахстан)

Аннотация: В работе представлены основные характеристики западной, азиатской, африканской, латиноамериканской, постсоветской моделей восприятия коррупции. Каждая модель основана на общности характерных для соответствующих групп стран признаков. Для западной модели характерно отрицательное и бескомпромиссное отношение общества к любым проявлениям коррупции. Азиатская модель характеризуется лояльным отношением общества к коррупции, где она воспринимается как достаточно привычное явление, обусловленное определенными культурными традициями и экономической необходимостью. В африканской модели преобладает клановый подход, при котором власть продается группе основных экономических кланов, которые договариваются между собой о разделе сфер влияния и контроля и затем, путем применения политических мер и средств, удерживают эти сферы и обеспечивают надежность их существования. Для латиноамериканской модели характерно наличие сильных и влиятельных теневых секторов экономики, а также криминальных авторитетов. Важное влияние на формирование постсоветской модели восприятия коррупции оказала нестабильность институциональной среды. Восприятие коррупции значительно различается по постсоветским странам, принадлежащим к одному региону, и схожими социально-культурными факторами.

Ключевые слова: коррупция, социально-культурные факторы, институты, экономическая свобода.

Коррупция может стимулироваться или ограничиваться институциональной средой, сформировавшимися в этой среде социально-культурными факторами, которые связаны с национальными корнями, традициями, обычаями, ценностями, культурными особенностями и поведенческими установками, разделяемыми определенным обществом и медленно меняющимися во времени. Существует мнение, что они вообще неизменны, по крайней мере, относительно масштабов человеческой жизни. Поэтому можно предположить, что имеющиеся в странах неформальные институты, представленные в виде социально-культурных факторов, в широком смысле есть некая данность, которую необходимо учитывать при проведении антикоррупционной политики.

Проблемы социокультурной обусловленности коррупции в различных странах мира наиболее подробно изложены в работах Брайена Хастиды. Использование статистического анализа корреляций между индексом восприятия коррупции и культурными измерениями 50 стран позволило исследователю прийти к выводу о том, что высокий уровень коррупции ожидаем в странах с низким уровнем экономического развития, существенным контролем государства над экономической жизнью, значительными диспропорциями в уровне доходов между группами населения, а также с особыми культурными характеристиками: большой дистанцией власти, высоким уровнем коллективизма и маскулинности. Поэтому, по мнению Хастиды, в борьбе с коррупцией необходимо учитывать культурную специфику каждой страны. Так, например, в культурах с высокой маскулинностью предоставление информации о фактах коррупции должно изображаться как личные достижения, увеличивающие материальный статус; а в культурах с высоким избеганием неопределенности институциональные реформы должны проводиться таким образом, чтобы неопределенность ассоциировалась с теневой практикой, а снижение тревоги и риска связывалось с чистыми законными транзакциями [4]. Следует согласиться с утверждением Хастиды, что борьба с коррупцией сверху громкогласными, но краткосрочными агитационными кампаниями и ужесточением наказания, неэффективна, поскольку она не затрагивает тех устойчивых стереотипов и ценностей, которые воспитывались десятки и даже сотни лет.

Основываясь на факторе социально-культурного разнообразия, с определенной долей условности можно выделить западную, азиатскую, африканскую, латиноамериканскую, европейскую, постсоветскую модели восприятия коррупции, каждая из которых основана на общности системы характерных для соответствующих групп стран признаков.

К западной модели, помимо собственно стран Западной Европы, относятся также такие страны, как США, Канада, Австралия и другие. Для западной модели характерно неприятие обществом любых проявлений коррупции, системность этой борьбы, способность населения принять самое непосредственное участие в акциях, направленных на бичевание коррупционеров. Этому способствует высокая степень законопослушности граждан западных стран, где дистанция между сущим и должным весьма короткая, продуманность до мелких деталей законодательства, не оставляющего места для свободной интерпретации, особенности национального менталитета, построенного на пунктуальности, четкости и ответственно-

сти за порученное дело. Общественное осознание пагубности коррупции для страны находится в прямой связи и не противоречит общегосударственной политике в данном направлении.

Показательной является правоохранительная практика ФРГ, где в конце XX века шли активные процессы по возвращению на историческую родину немцев из СССР. Возвращенцы из числа «советских» немцев при оформлении необходимых документов в ряде случаев пытались путем подкупа немецких чиновников сократить сроки получения выездных документов. По свидетельству самих немецких репатриантов, такие попытки пресекались моментально чиновниками соответствующих служб ФРГ вне зависимости от их должностного ранга и уровня. Подобное происходит и в наше время, когда граждане Казахстана, выходцы из семей политической элиты и крупных бизнесменов, обучаются в крупных европейских вузах и, при совершении ими правонарушений, страна пребывания подвергает студента-нарушителя немедленной депортации, не принимая во внимание заслуги и авторитет родителей, начисто отвергая любые противозаконные действия по «спасению» имиджа как нарушителей, так и их покровителей, включая высокопоставленных родителей и родственников.

Как нам представляется, воспитать у казахстанцев качества, которые присущи западной ментальности, если и возможно, то пока только теоретически. На практике все обстоит иначе. Одной из причин является несовпадение в понимании сущности родственных отношений. Для казахов характерно иметь сильные родственные отношения. Это связано, отчасти, с особенностями кочевой цивилизации, где дарвиновская борьба за сохранение вида трансформировалась в оказание родственного покровительства любому, кто об этом попросит либо в этом нуждается. Это явление условно можно назвать эффектом центростремительности. Для европейцев характерно дистанцирование друг от друга, где даже кровное родство первой ступени не является препятствием для соблюдения существующих правил поведения, даже если это наносит вред родственникам. Данное явление условно можно именовать эффектом центробежности.

Азиатская модель зачастую характеризуется лояльным отношением общества к коррупции как к явлению, которое обусловлено определенными культурными традициями и экономической необходимостью, приемлемому для всей структуры государственного управления и всех слоев населения. В рамках данной модели коррупция не воспринимается как явление противозаконное и

зачастую расценивается как некий атрибут функционирования государства [5].

К странам, входящим в группу, представляющую азиатскую модель восприятия коррупции, входят Индия и Китай. Объединяет эти страны численность населения, перевалившая за миллиард в каждой из них, а также возможность их отнесения к мононациональным образованиям. Различия гораздо более весомые – это и состояние экономики, и принадлежность к разным формам государственного устройства и управления, разные культуры и традиции, разные уровни жизни населения. В целом население Индии и Китая проявляет общую озабоченность непосильными поборами, которыми их облагает чиновничество, невозможностью решить насущные проблемы законным путем.

В отдельных случаях индийский народ пытается действовать против коррупционеров методами и приемами «от народа», которые своими корнями уходят в национальную культуру. Так, по данным, опубликованным в глобальных информационных сетях, в штате Утта-Прадеш земледельцы пытаются бороться с чиновниками-мздоимцами следующим способом. Для ведения деловых переговоров с бюрократами-мздоимцами они приходят к ним с мешками с ядовитыми змеями, которых и выпускают в служебных кабинетах.

Следует отметить, что в Индии в борьбе с коррупцией все более активную позицию занимают общественные организации. Так, НПО под названием «Пятая колонна» напечатала большими тиражами, рекламировала и раздавала беднякам так называемые «антикоррупционные банкноты», отличающиеся от настоящих нулевым номиналом.

Жесткая карательная политика Китая по противостоянию коррупции не оставляет места для народной инициативы. Каких-либо акций, инициированных лидерами из народа, в жизни современного Китая не наблюдается. Общегосударственная политика носит характер устрашения и позволяет беспощадно уничтожать любые проявления коррупции.

Отличие *африканской модели* заключается в превалировании кланового подхода, при котором власть продается группе основных экономических кланов, которые договариваются между собой о разделе сфер влияния и контроля, и затем, применяя политические меры и средства, удерживают эти сферы и обеспечивают надежность их существования. Культура, понимаемая как исторически сложившийся уровень развития общества, выраженный в социаль-

ных взаимоотношениях людей, а также созданных ими материальных и духовных ценностях, достаточно своеобразно связана с проявлениями коррупции и отношением общества к ней именно в странах Африки. Здесь сильны культурные традиции, которые в многочисленных племенах значительно разнятся. Но в усредненном виде коррупция – явление повсеместное, зародившееся издревле. Подношение подарков жрецам и вождям постепенно трансформировалось в современные формы коррупционных правонарушений. Этим в основном объясняется довольно инертное отношение большей части населения к коррупции. Борьба с нею носит фрагментарный, единичный характер и не является отражением типичного общественного отношения к негативным последствиям рассматриваемого явления. Как отмечалось в СМИ, такие формы коррупции, как блат и ему подобные, ни у кого не вызывают реакции отторжения и воспринимаются обществом не столько как неизбежные, а сколько как нормальное построение взаимоотношений, способствующих карьерному росту человека и освобождающих его самого и его деятельность от критической оценки кого бы то ни было.

Для африканской модели характерно единичное противостояние, относимое к категории спорадических. Такое противостояние могут проявить отдельные личности, которые, как правило, ни экономически, ни политически ни от кого не зависят. Их финансово-экономическая устойчивость позволяет публично проявлять неприятие коррупции и совершать неординарные действия. Тому примером является деятельность миллиардера суданского происхождения Мохаммеда Ибрагима, учредившего награду за хорошее руководство. Премия за качественное управление, свободное от коррупции, составляет 5 млн. долларов, одним из ее лауреатов стал Нельсон Мандела. Очевидно, что такая форма борьбы изначально не может быть эффективна в силу отстранения от нее государственного аппарата управления. Кроме того, инертность большей части населения является благодатной почвой для роста коррупции.

Латиноамериканская модель характеризуется тем, что при попустительстве коррумпированного государства, теневые и криминализованные сектора экономики достигают могущества, сравнимого с государственным. Власть оказывается на десятилетия втянутой в жесткое прямое противостояние с мафией, образующей государство в государстве. Экономическое благополучие становится задачей не только недостижимой, но даже вто-

ростепенной на фоне других проблем. Постоянная политическая нестабильность увеличивает шансы установления диктатуры на волне борьбы с коррупцией, а вслед за этим возрастает вероятность перехода к африканской модели [2].

Для латиноамериканской модели важным является наличие сильных и влиятельных теневых секторов экономики, а также криминальных авторитетов. При этом сложившиеся неформальные институты находятся в состоянии постоянного соперничества и конкуренции между государственным сектором экономики и легальными политическими силами.

К постсоветской модели восприятия коррупции относятся страны бывшего СССР, которые обладают достаточно высокой социально-культурной общностью населения, доставшейся в наследство от советского периода, несмотря на существование множества разных этнических, культурных, национальных, религиозных различий. Изучая коррупцию на постсоветском пространстве, исследователи отмечают влияние на динамику ее показателей факторов экономических кризисов, исторически сложившиеся культурные уставки и модели поведения из недавнего прошлого, а также отмечают компенсаторную функцию коррупции в транзитных обществах [1, с. 259].

Важное влияние на формирование постсоветской модели восприятия коррупции оказала нестабильность институциональной среды, которая сопровождалась социальной, культурной и политической дезориентацией граждан, снижением уровня благосостояния населения и т.д. Между тем, имея общее советское прошлое и схожие проблемы постсоветского периода экономического развития, социумы бывших советских республик демонстрируют существенные отличия в масштабах распространения коррупции. Так, например, Эстония входит в группу стран с наименьшим уровнем коррупции, в то время как Туркменистан относится к высоко коррумпированным государствам. Кроме того, показатели Индекса восприятия коррупции (ИВК) на постсоветском пространстве значительно различаются по странам, принадлежащим к одному региону и являющимися близкими по культурной принадлежности.

Анализ коррупционной карты мира позволяет сделать вывод о том, что страны, относящиеся к одной модели развития коррупции с равными экономическими условиями, схожими социально-культурными факторами, могут иметь как низкий, так и высокий уровень коррупции (таблица 1).

Таблица 1

Модели восприятия коррупции

Показатели	Западная модель	Азиатская модель	Африканская модель	Латиноамериканская модель	Постсоветская модель
1	2	3	4	5	6
Уровень коррупции	Относительно невысокий, почти отсутствует	Высокий	Высокий	Высокий	Высокий
Особенности	Институциональные, организационные и правовые превентивные меры, традиции, культура, развитые институты гражданского общества	Тотальный контроль государства над всеми сторонами жизни, привычное культурное и экономическое явление	Власть экономических кланов и олигархии	Власть теневого и криминального сектора, противостояние государства, антикоррупционная борьба	Влияние факторов экономических кризисов, воспроизводство культурных установок, сложившихся исторически, и моделей поведения из недавнего прошлого
Индекс восприятия коррупции - 2017					
Низкий уровень коррупции (индекс 63-89)	Новая Зеландия (89), Дания (88), Канада (82), Германия (81), Франция (70), Португалия (63)	Сингапур (84) Гонконг (77) Япония (73) Южная Корея (54)	-	Уругвай (70) Чили (67) Намибия (51)	Эстония (71)

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6
Средний уровень коррупции (индекс 36–62)	Польша (60) Испания (57) Венгрия (45) Италия (43) Греция (40)	Малайзия (47) Китай (41) Индия (40) Турция (40)	Ботсвана (61) Руанда (55) Намибия (51)	Бразилия (37)	Литва (59) Латвия (58) Грузия (56)
Высокий уровень коррупции (индекс 9–35)		Вьетнам (35) Пакистан (32) Лаос (29) Афганистан (15)	Эфиопия (35) Алжир (33) Египет (32) Кения (28) Уганда (26) Судан (11) Чад (19) Сомали (9)	Мексика (29) Гондурас (29) Гаити (19) Венесуэла (18)	Армения (35) Казахстан (31) Азербайджан (31) Молдова (31) Украина (30) Россия (29) Кыргызстан (29) Узбекистан (22) Таджикистан (21) Туркменистан (19)
Индекс экономической свободы – 2018					
Свободные экономики (от 80 и выше)	Новая Зеландия (84,2) Швейцария (81,7) Ирландия (80,4)	Гонконг (90,2) Сингапур (88,8)	-	-	-
Преимущественно-свободные экономики (от 70 до 79,9)	Канада (77,7) Исландия (77,0) Швеция (76,3) США (75,7) Норвегия (74,3) Германия (74,2)	Малайзия (74,5) Южная Корея (73,8) Япония (72,3)	-	Чили (75,2)	Эстония (78,8) Грузия (76,2) Литва (75,3) Латвия (73,6)

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5	6
Умеренно свободные (от 60 до 69,9)	Польша (68,5) Испания (65,1) Франция (63,9) Португалия (63,4) Италия (62,5)	Турция (65,4)	Ботсвана (69,9) Гватемала (63,4)	Уругвай (69,2) Колумбия (68,9) Мексика (64,8)	Казахстан (69,1) Армения (68,7) Азербайджан (64,3) Кыргызстан (62,8)
В основном несвободные (от 50 до 59,9 баллов)	Греция (57,3)	Китай (57,8) Индия (54,5) Пакистан (54,4) Лаос (53,6) Афганистан (51,3)	Намибия (58,5) Нигерия (58,5) Кения (54,7) Египет (53,4) Эфиопия (52,8)	Бразилия (51,4) Аргентина (52,3)	Россия (58,2) Беларусь (58,1) Украина (51,9) Молдова (58,4) Таджикистан (58,3) Узбекистан (51,4)
Депрессивные (менее 50 баллов)	-	Северная Корея (5,8)	Чад (49,3) Конго (38,9)	Чад (49,3) Боливия (44,1) Венесуэла (25,2)	Туркменистан (47,1)

Примечание – составлено по данным <https://www.transparency.org/news/feature/> и <https://www.heritage.org/index/visualize>.

Коррупция не является уделом исключительно стран третьего мира и даже в наиболее экономически развитых странах мира она может достигать значительных масштабов. В целом низкие показатели степени коррупции действительно более характерны для экономически развитых стран (как, например, Канада, Германия, Япония и т.д.), и, соответственно, высокий уровень коррупции присущ менее развитым странам.

В этом отношении показательна высокая степень корреляции уровня коррупции в различных странах мира со степенью экономической свободы, которая является основой стабильного экономического развития. Ежегодный Индекс экономической свободы убедительно демонстрирует, что экономическая свобода препятствует коррупции: коррупция процветает в тех регионах, где экономическая свобода крайне ограничена, например, в странах Африки к югу от Сахары. Однако подобного рода закономерность просматривается далеко не везде. Так, например, Ботсвана и Намибия отмечены достаточно низким уровнем коррумпированности. Ярким примером могут служить и такие латиноамериканские страны, как Чили и Мексика, которые по уровню развития занимают весьма схожие позиции, но разительно отличаются по масштабам коррупции.

Анализируя базу данных ИВК более чем за 15 лет, российские ученые определили следующие основные закономерности развития коррупции в мире:

- уровень развития коррупции чаще всего выше в бедных странах, но ниже в богатых;
- уровень развития коррупции в целом ниже в странах западноевропейской цивилизации и выше в неевропейских странах со слабыми традициями политической демократии;
- уровень развития коррупции обычно выше в странах с богатыми природными ресурсами (феномен «ресурсного проклятия») [3].

Если руководствоваться данными закономерностями, можно сделать вывод, что Казахстан склонен к высокой коррупции, поскольку страна не является экономически развитой, не имеет достаточно прочных традиций политической демократии, но обладает богатыми природными ресурсами, провоцирующими рентоискательство. Тем не менее, данные закономерности не обрекают Казахстан на принципиальную невозможность достижения низкой коррупции. В мировой практике существуют примеры успешной национальной антикоррупционной политики, в результате которой значительного снижения коррупции добивались бедные

(как Ботсвана), неевропейские (как Сингапур и Гонконг), богатые природными ресурсами (как Канада и Норвегия) страны. Поэтому можно сделать вывод, что Казахстан предрасположен к высокой коррупции, но имеет возможности успешной борьбы с ней.

Таким образом, социально-культурная предрасположенность к коррупционным явлениям, безусловно, имеет значительное влияние на развитие общества, но, тем не менее, не является окончательной детерминантой. Весьма показательным может быть пример разных по культурно-историческим параметрам стран (Сингапур, Уругвай, Чили, Ботсвана, Грузия), в которых с помощью целенаправленных мер удалось существенно снизить уровень коррупции. Анализ указанных подходов позволяет определить основные наиболее успешные методы борьбы с коррупцией. Особое внимание необходимо обратить на то, что среди неформальных институтов большую роль играют нормы, помогающие сохранить целостность общества (нормы доверия, честности) или нормы, обусловленные национальным менталитетом. Так, недостаток доверия может стать тормозом для антикоррупционных инициатив и причиной низкой эффективности формальных институтов, тогда как этические нормы доверия снижают трансакционные издержки.

Литература

1. Зоткин А. Коррупция в системе отношений между обществом и государством в постсоветских республиках // Соціальні виміри суспільства. 2012. №4. С. 257–268.
2. Коннов А. К. Коррупция в органах государственной власти: теория, практика и механизмы антикоррупционной политики (на материалах Республики Татарстан). Авт. дис. на соиск. канд. социолог. наук. Казань, 2005. 27 с.
3. Латов Ю. В., Наумов Ю. Г. Целевой индикатор и показатели российской антикоррупционной стратегии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. №2. С. 64–71.
4. Нестик Т. А. Коррупция и культура // Экономическая теория преступлений и наказаний. 2002. №4. Часть 2. С. 45–55.
5. Панзабекова А. Ж. Зарубежный опыт противодействия коррупции и возможности его применения в странах ЕАЭС // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 10. Часть III. Редкол.: Пивоваров Ю. С. (отв. ред.) и др. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 73–79.

INFLUENCE OF SOCIAL AND CULTURAL FACTORS ON FORMING THE CORRUPTION PERCEPTION MODELS

Panzabekova A. Zh. (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Annotation: *the work presents the main characteristics of Western, Asian, African, Latin American, post-Soviet models of corruption perception. Each model is based on common system signs specific for corresponding groups of the countries. The western model is distinguished by negative and uncompromising attitude of society to any corruption signs. The Asian model shows loyal attitude of society to corruption, and it is perceived as quite usual phenomena stipulated by definite cultural traditions and economic necessity. The African model is distinguished by prevailing tribal approach when the power is sold to a group of main economic tribes that agree among themselves on spheres of influence and control, and then, by political measures and means, retain these spheres and ensure its reliable existence. For the Latin American model the important is determination of the strongest and most affluent shadow economy, and criminal kingpins. An important influence on the forming of the post-Soviet corruption perception model was the instability of the institutional environment. The corruption perception varies considerably among post-Soviet countries belonging to the same region and similar social and cultural factors.*

Keywords: *corruption, social and cultural factors, institutions, economic freedom.*